

Влияние государства на развитие советской философии: к 75-летию философской дискуссии 1947 г.

Павел В. Владимиров

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, pvladimirov@mail.ru
ORCID 0000-0003-1431-4011*

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о влиянии государства на развитие советской философии на примере материалов дискуссии 1947 г. по книге Г.Ф. Александрова «История западноевропейской философии». Рассматриваются основные обозначенные в дискуссии аспекты принципа партийности философии как главной линии выражения государственного влияния. Обозначаются особенности практического выражения принципа партийности, а также специфичные условия философской деятельности в СССР, связанные с государственным влиянием, нашедшие свое отражение в материалах дискуссии. Разбирается проблематика восприятия философии как идеологического оружия, используемого в государственных целях, а также как средства для решения актуальных задач, стоящих перед обществом. Рассматривается вопрос об осмыслиении роли историко-философской науки в ее связи с государственными задачами. На примере состоявшихся споров о философии Гегеля показывается практика обращения к классикам марксизма-ленинизма для защиты противоречащих друг другу мнений, а также возможность изменения ранее принятых установок при получении новых указаний со стороны государственных руководителей. Затрагивается вопрос использования государственного влияния в целях внутренней борьбы философских групп в СССР.

Ключевые слова: Гегель, диалектический материализм, советская философия, сталинизм, марксизм, государство и философия

Для цитирования: Владимиров П.В. Влияние государства на развитие советской философии: к 75-летию философской дискуссии 1947 г. // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2022. № 2. С. 40–58. DOI: 10.28995/2073-6401-2022-3-40-58

Influence of the state on the development
of Soviet philosophy.
75th anniversary
of the philosophical discussion of 1947

Pavel V. Vladimirov

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, pvladimirov@mail.ru
ORCID 0000-0003-1431-4011*

Abstract. The article considers the question of the state influencing the development of Soviet philosophy, using the materials of the 1947 discussion over G.F. Alexandrov's book "History of West-European Philosophy" as an example. It focuses on the main aspects of the party principle in philosophy as the main line of expression of the state influence. The paper outlines the peculiarities of the practical expression of the party principle, as well as the specific conditions of philosophical activity in the USSR associated with the state influence, which are reflected in the materials of the discussion. The issues of perception in philosophy as an ideological weapon used for governmental purposes, as well as a means for solution of urgent tasks facing the society are reviewed. The article also considers a question of understanding the role of historical and philosophical studies in their relation to the tasks of the state. Using the example of debates on Hegel's philosophy the author demonstrates the practice of referring to the classics of Marxism-Leninism in defense of contradictory opinions, as well as the possibility of revising earlier adopted attitudes if new instructions come from the state leaders. Furthermore he touches upon the question of the use of state influence for the internal struggle of philosophical groups in the USSR.

Keywords: Hegel, dialectical materialism, Soviet philosophy, Stalinism, Marxism, state and philosophy

For citation: Vladimirov, P.V. (2022), "Influence of the state on the development of soviet philosophy. 75th anniversary of the philosophical discussion of 1947", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 1, pp. 40–58, DOI: 10.28995/2073-6401-2022-3-40-58

Введение

Уровень влияния государства на развитие отечественной философии на различных этапах нашей истории был разным, но вряд ли возможно выделить сколько-нибудь продолжительные периоды, когда философия развивалась вне этого, прямого или опосредованного, влияния. В советский период связь между философией и государством была наиболее открытой и полной: диалектический материализм был возведен в ранг официальной государственной философской доктрины, развивающейся в рамках так называемого

принципа «партийности науки». С одной стороны, это являлось определенным стимулом развития философии: существовал постоянный «государственный заказ» на некоторые направления философских исследований, у философии был высокий статус в качестве важнейшей составляющей государственной идеологии, произведения «допускаемых» философов издавались многотиражными тиражами. С другой стороны, это же и существенно ограничивало развитие отечественной философии: какая-либо работа вне диалектического материализма была крайне затруднительна, многие философские произведения были фактически под запретом, существовала необходимость постоянной сверки позиций с «партийной линией», а также с работами классиков марксизма-ленинизма.

Некоторые особенности развития советской философии с точки зрения государственного влияния на нее, а также представления об условиях, в которых приходилось действовать философским работникам СССР, могут быть определены на основании анализа дискуссии по книге Г.Ф. Александрова «История западноевропейской философии», состоявшейся по решению ЦК ВКП(б) в июне 1947 г. Изучение материалов данной дискуссии дает возможность лучше понять проблемы и специфику деятельности философского сообщества советского периода. Дискуссия 1947 г. уже не раз становилась объектом историко-философского рассмотрения, но и сегодня, в канун ее 75-летия, она представляет для исследователей определенный интерес.

Принцип партийности философии как главная линия выражения государственного влияния

Наиболее значимым выражением влияния государства на развитие философии может служить так называемый принцип «партийности философии», ставший одной из центральных тем всей дискуссии. Опубликованная в первом номере журнала «Вопросы философии» стенограмма дискуссии содержит 84 доклада, и практически в каждом из них в той или иной степени затрагивается вопрос партийности философии – как по отношению к оценке книги Г.Ф. Александрова, так и по отношению к состоянию дел на «философском фронте» вообще. Упоминая принцип партийности и выражая его безусловную поддержку, многие докладчики представляют свои разъяснения относительно того, что этот принцип означает. При этом данные разъяснения иногда довольно сильно отличаются друг от друга и зачастую носят фрагментарный характер, а какой-либо единой, комплексной, четко выраженной позиции по

поводу значения принципа партийности в целом не прослеживается. Более того, попытки представить такое целостное видение встречают определенную критику. Так, например, когда М.Б. Митин дает относительно развернутый ответ на поставленный им же вопрос «Что же значит партийность в философии?»¹, он получает саркастический упрек от П.А. Шария:

Очень много здесь говорилось об этом [о партийности в философии], а вчера т. Митин за счет регламента 10–15 минут посвятил популярной лекции о партийности. Я уверен, что т. Александров не хуже других знает те элементарные положения ленинизма о партийности, которые здесь излагали².

В докладах содержатся и другие критические замечания относительно попыток некоторых руководящих философских работников присвоить себе право решать, что такое истинный марксизм-ленинизм или истинная партийность³. В то же время редкие попытки защищать Александрова от обвинений в недостаточном внимании к принципу партийности встречают сопротивление. В частности, позиция М.В. Серебрякова относительно того, что Александров прекрасно понимает этот принцип, а фразы о партийности нет необходимости повторять, поскольку они всем и так давно известны⁴, критикуется С.В. Морочником («Я начну с заявления т. Серебрякова о том, что нам, видите ли, “навязли в зубах” слова о партийности и классовости науки»⁵) и другими выступающими, которые отмечают, что одно дело – знать принцип партийности, а другое – применять его на практике. По отдельным аспектам трактовки принципа партийности встречаются разногласия. Например, тезис М.А. Леонова о том, что критерием оценки научной деятельности является служение большевистской политике⁶, вызывает возражение со стороны В.С. Пауковой («...не политика должна служить критерием партийности, а наоборот, подлинная и последовательная научность должна служить критерием партийности и политики, и философии»⁷), что вызывает оживление в зале, отмеченное в стенограмме.

¹ Вопросы философии. Т. 1. М.: Ин-т философии (АН СССР), 1947. С. 121–122 (Доклад М.Б. Митина).

² Там же. С. 164 (Доклад П.А. Шария).

³ Там же. С. 404 (Доклад Я.А. Мильнера).

⁴ Там же. С. 98 (Доклад М.В. Серебрякова).

⁵ Там же. С. 114 (Доклад С.В. Морочника).

⁶ Там же. С. 151 (Доклад М.А. Леонова).

⁷ Там же. С. 225 (Доклад В.С. Пауковой).

В целом оценка влияния государства на развитие советской философии в части выражения принципа партийности может быть охарактеризована тем, что, с одной стороны, данный принцип принимался и разделялся философским сообществом в общих, декларативных чертах, но, с другой стороны, его конкретное, детализированное понимание и практическое применение могло быть различным.

Ниже приведено краткое описание наиболее часто встречающихся в выступлениях интерпретаций отдельных аспектов принципа партийности в философии.

1. Неприемлемость академизма и объективизма. Во многих выступлениях книги Александрова, а также иные работы советских философов критикуются за так называемый «объективизм», т. е. за позицию якобы объективного и беспристрастного изложения тех или иных философских вопросов вне связи с их политической и идеологической оценкой. Объективизм при этом зачастую обозначается как буржуазный подход к науке⁸, за которым под внешней формой научной объективности скрываются буржуазные классовые интересы. Так, например, И.И. Новинский развивает идею о «глубоко лживом и опасном тезисе “объективности” науки, защищающемся буржуазной “теорией” науки»⁹. Открыто поддерживается так называемая большевистская тенденциозность науки, которая, однако, не является при этом предвзятой или исказжающей факты («...партийность философии марксизма отнюдь не означает какой-то “классовый субъективизм”, как утверждают критики и враги марксизма»¹⁰) и носит характер подлинной объективности («...наша тенденциозность, наша партийность целиком совпадает с объективным ходом истории»¹¹). Также критикуется и академизм как «узкий, книжный, профессорский подход к делу»¹², как катедер-социализм, т. е. «марксизм выхолощенный, небоевой, догматический, профессорский, вяло и бесстрастно проповедуемый с университетских кафедр»¹³ и т. д. Впрочем, встречаются и единичные попытки защитить академизм путем отделения истинного, марксистского академизма (как большого, серьезного, строгого научного подхода к исследованиям) от ложного¹⁴.

⁸ Там же. С. 16, 285, 302 (Доклады М.Д. Каммари, П.Ф. Юдина, Т. Александрина).

⁹ Там же. С. 204 (Доклад И.И. Новинского).

¹⁰ Там же. С. 16 (Доклад М.Д. Каммари).

¹¹ Там же. С. 86 (Доклад М.М. Розенталя).

¹² Там же. С. 123 (Доклад М.Б. Митина).

¹³ Там же. С. 227 (Доклад П.Е. Вышинского).

¹⁴ Там же. С. 381 (Доклад З.А. Каменского).

2. Философия как оружие. В рамках дискуссии зачастую встает вопрос о роли как философии вообще, так и историко-философской науки в частности. В этой связи характерно обозначение философии в качестве идеологического оружия в борьбе против различных реакционных, буржуазных, антимарксистских течений. Утверждается, например, что история философии не сводится к вопросам «просветительства» и «культурничества», а имеет политическое значение, и поэтому она должна быть боевой, «разоблачать и разить врага»¹⁵. Работа Александрова критикуется и за неоправдавшиеся ожидания того, что она станет сильным идеологическим оружием в борьбе против буржуазной идеологии¹⁶. Отмечается, что учебник по истории философии «должен иметь определенный прицел, стрелять по врагу»¹⁷. Распространены и сравнения философии с фронтом (185 упоминаний), на котором постоянно ведутся боевые действия. Причем фронтовые метафоры используются с разными целями: так, например, если А.А. Жданов, призывая философских работников активнее наступать на враждебную идеологию, утверждает, что советский философский фронт в настоящее время скорее напоминает «тихую заводь или бивуак где-то далеко от поля сражения»¹⁸, а О.С. Войтинская сравнивает с дезертирством отставание философов в происходящий всемирно-исторической битве с врагами советского народа¹⁹, то З.А. Каменский, осторожно отстаивая позицию о праве философов заниматься не только задачами исторического материализма (признаемыми при этом Каменским самыми важными и актуальными), ставит вопрос о том, насколько все же оправданным является снятие всех войск с второстепенных участков фронта для переброски на один основной²⁰.

Принцип философии как оружия вызывает замечания и по поводу стиля написания книги Александрова – звучат обвинения в том, что она «написана недостаточно боевым партийным языком»²¹, что в ней «не чувствуется кипения страстей»²², что ее недостатком является «величаво-спокойный, повествовательный тон, почти эпический язык учебника»²³. Выступающие неоднократно

¹⁵ Там же. С. 138 (Доклад И.П. Трайнина).

¹⁶ Там же. С. 238 (Доклад А.А. Уйбо).

¹⁷ Там же. С. 338 (Доклад О.С. Войтинской).

¹⁸ Там же. С. 268 (Доклад А.А. Жданова).

¹⁹ Там же. С. 337 (Доклад О.С. Войтинской).

²⁰ Там же. С. 382 (Доклад З.А. Каменского).

²¹ Там же. С. 32 (Доклад Г.Н. Гусейнова).

²² Там же. С. 86 (Доклад М.М. Розенталя).

²³ Там же. С. 463 (Доклад Э.Г. Фишера).

отмечают необходимость учиться боевому, воинствующему стилю изложения философских вопросов у классиков марксизма-ленинизма. Так, А.А. Жданов за образец предлагает взять книгу «Материализм и эмпириокритицизм», где «...каждое слово Ленина представляет из себя разящий меч, уничтожающий противника»²⁴.

В качестве развития тезиса о необходимости восприятия философии как оружия в борьбе против идеологических врагов от ряда выступающих звучат фактические просьбы о возможности больше времени и внимания уделять изучению современных буржуазных философских течений («Чтобы бороться с врагом, нужно его не-навидеть. Но этого мало. Нужно его знать»²⁵). В частности, этой теме посвящена большая часть выступления В.Ф. Асмуса. Подчас в завуалированном виде высказываются пожелания иметь возможность свободнее получать книги ограниченного доступа (например, в выступлении Н.М. Мирошникой, обосновывающей важность критики книги «История западной философии» Б. Рассела, которую она, по собственному признанию, не читала).

3. Философия как средство государственного идеологического воспитания. В ряде выступлений обозначается важная роль философии (или истории философии) как средства идеологического воспитания, как способа формирования в советских людях правильного мировоззрения. Так, например, С.П. Дудель утверждает, что «изучение истории философии в наших вузах не самоцель, а средство воспитания марксистско-ленинского мировоззрения у советских людей»²⁶; В.М. Каганов подчеркивает, что философия и, в частности, история философии должна «воспитывать и обучать советскую молодежь в духе большевистской идейности»²⁷ и т. д. Изучению философии придается государственно-ориентированный смысл, перед ней ставится задача «внести свою лепту в дело патриотического воспитания наших советских людей»²⁸. Негативно оцениваются взгляды на философию как на нечто самодовлеющее, подобное «искусству для искусства»²⁹. Так, например, П.И. Черкашин в этой связи критикует книгу Александрова за «какое-то копание в фактах гносеологии, метода и т. д.», что приводит к формированию

²⁴ Там же. С. 261 (Доклад А.А. Жданова).

²⁵ Там же. С. 460 (Доклад Б.А. Фингерта).

²⁶ Там же. С. 354 (Доклад С.П. Дудель).

²⁷ Там же. С. 370 (Доклад В.М. Каганова).

²⁸ Там же. С. 214 (Доклад М.Т. Иовчука).

²⁹ Там же. С. 177 (Доклад О.В. Трахтенберга).

«философии для философии» и игнорированию ее действительной общественной функции³⁰.

4. Общественно-исторический, классовый взгляд на философию.

Одним из наиболее часто обозначаемых аспектов принципа партийности является необходимость классового, социально-политического подхода к историко-философским вопросам. В большинстве выступлений содержатся соответствующие утверждения – например, что за самыми абстрактными вопросами философии всегда необходимо вскрывать интересы тех или иных классов³¹, что в борьбе философских направлений нужно ясно видеть классовую борьбу³², что «история философии прежде всего есть история мировоззрений определенных классов, история борьбы мировоззрений, отражающая историю борьбы различных классов и партий»³³ и т. п. Книга Александрова неоднократно критикуется за недостаточное внимание к классовой проблематике при освещении различных философских учений. Высказываются различные предложения, связанные с методологией проработки классового вопроса при анализе философских систем, например, о соотношении национальной и классовой проблематики³⁴, о необходимости анализа биографий и классового происхождения тех или иных философов³⁵, о возможности или невозможности создания реакционным классом прогрессивной философии³⁶, о важности оценки философских учений прошлого не только с точки зрения их исторического значения в классовой борьбе, но и исходя из практики их современного использования различными классами³⁷. Кроме того, звучат тезисы о важности всестороннего анализа социально-экономических и исторических условий, в рамках которых происходило формирование тех или иных философских систем, производных от соответствующих факторов. Необходимость взгляда на философские вопросы сквозь призму историко-социальной, общественно-экономической, классовой проблематики является одной из наиболее характерных черт государственного влияния на развитие советской философии, выраженного в принципе ее партийности.

³⁰ Там же. С. 485 (Доклад П.И. Черкашина).

³¹ Там же. С. 6 (Доклад М.В. Эмдина).

³² Там же. С. 81 (Доклад В.Н. Жуковой).

³³ Там же. С. 284 (Доклад П.Ф. Юдина).

³⁴ Там же. С. 42 (Доклад Б.М. Кедрова).

³⁵ Там же. С. 59 (Доклад В.И. Светлова).

³⁶ Там же. С. 22 (Доклад Г.М. Гака).

³⁷ Там же. С. 460 (Доклад Б.А. Фингерта).

5. Связь философии с практикой и актуальными задачами современности. Одним из часто декларируемых аспектов принципа партийности в философии является также необходимость связи философии (и истории философии) с практической, материальной деятельностью людей, с общественными и государственными задачами сегодняшнего дня. Критикуется отрыв теории от практики, характерный для ряда философских работ (в этой связи, например, З.Я. Белецкий проводит параллели между подходом Г.Ф. Александрова и «меньшевистствующим идеализмом»³⁸). Утверждается, что философы должны идти в ногу с жизнью³⁹, что они не могут «закисать в четырех стенах институтских кабинетов» и следует «больше привлекать их к практической работе по социалистическому строительству»⁴⁰, что надо «исследовать прошлое так, чтобы это помогало исправлению настоящего»⁴¹ и т. д. Обсуждается вопрос о необходимости более полной и практической связи философии с другими науками – так, например, А.К. Тимирязев жалуется, что современные философы, не обладая требуемыми компетенциями в области естествознания, предпочитают уклоняться от соответствующих вопросов, а физический факультет Московского университета не смог добиться участия философов в работе кружка по изучению философии физики⁴²; А.В. Мишулин утверждает, что «философская наука у нас недостаточно руководит и влияет на направление и развитие общественных наук, не вызывает подъема теоретической мысли в различных областях общественного знания»⁴³ и т. п. Критикуется свойственное многим философским работникам «бегство в прошлое». Например, М.Т. Иовчук утверждает, что советские философы «как правило, уходят в давно прошедшие времена и занимаются сугубо историко-философскими темами, не имеющими большой актуальности»⁴⁴; Ц.А. Степанян отмечает, что «мы еще не добились решительного поворота к актуальным темам современности» и что «многие теоретические работники рвутся к историческим темам и бегут от современных тем», а «на истории далеко не уедешь»⁴⁵; Д.И. Чесноков критикует чрезмерное увлечение диссертантов историко-философской тематикой⁴⁶; Л.Ф. Бердник

³⁸ Там же. С. 315 (Доклад З.Я. Белецкого).

³⁹ Там же. С. 89 (Доклад М.М. Розенталя).

⁴⁰ Там же. С. 183 (Доклад Д.И. Заславского).

⁴¹ Там же. С. 96 (Доклад В.Ю. Захидова).

⁴² Там же. С. 441 (Доклад А.К. Тимирязева).

⁴³ Там же. С. 408 (Доклад А.В. Мишулина).

⁴⁴ Там же. С. 219 (Доклад М.Т. Иовчука).

⁴⁵ Там же. С. 440 (Доклад Ц.А. Степаняна).

⁴⁶ Там же. С. 243 (Доклад Д.И. Чеснокова).

отмечает, что за последние годы на актуальные современные проблемы «не было написано и не защищалось ни одной докторской или кандидатской диссертации»⁴⁷. Впрочем, отмечаются и единичные, осторожные возражения против такой позиции. Так, скажем, В.И. Светлов утверждает:

В последнее время на товарищей, которые занимаются историей философии, смотрят отчасти как на изгоев. Я понимаю, что прежде всего нужно заняться марксистско-ленинской философией, но некоторое, пусть скромное, место за философским столом нужно давать и историкам философии, в том числе даже специалистам по античной философии, учитывая, что современные буржуазные философы извращают эту философию, а мы им ничего не противопоставляем⁴⁸.

6. Философия и связь с народом. Следующий аспект принципа партийности, нередко отмечаемый в выступлениях, связан с необходимостью более тесной связи философской деятельности с широкими народными массами. Причем этот аспект имеет два измерения – как в части производства, так и в части потребления «философской продукции». Отличительной чертой марксистской философии называется то, что она преодолевает взгляд на философскую деятельность как на результат умственного труда одиночек, оторванных от народа и пишущих свои произведения только для узкого круга читателей. В этой связи выдвигаются требования по более широкому вовлечению коллективов философских работников, в т. ч. с периферии, в написание и обсуждение философских произведений. Многие выступающие отмечают в качестве недостатка, что философское руководство фактически монополизировало в своем узком кругу право на выпуск работ по философии. Так, например, И.А. Крывелев ставит такие вопросы:

Как это может быть, чтобы в социалистической стране с двухсотмиллионным талантливейшим народом, с 6 миллионами членов большевистской партии, с сотнями высших учебных заведений, в которых работают тысячи профессоров и преподавателей, только 10–15 человек могли писать и печататься по вопросам философии? К лицу ли нам камерный, келейный, артельский масштаб философского творчества?⁴⁹

С подобной критикой соглашается и сам Г.Ф. Александров, утверждающий необходимость понимания того, что

⁴⁷ Там же. С. 335 (Доклад Л.Ф. Бердника).

⁴⁸ Там же. С. 65 (Доклад В.И. Светлова).

⁴⁹ Там же. С. 395–396 (Доклад И.А. Крывелева).

...нельзя направлять живое дело развития марксистско-ленинской философии замкнуто, келейно, без нашей широкой научной общественности, без участия всех нас в этом живом деле⁵⁰.

Неоднократно высказываются пожелания о расширении практики проведения философских дискуссий, съездов, конференций.

Что касается вопроса об аудитории, на которую должны быть направлены философские произведения, то, с одной стороны, отмечается, что именно советская философская наука помогла «широким слоям советских людей приобщиться к сокровищнице марксизма-ленинизма»⁵¹. В некоторых выступлениях в этой связи утверждается, что философские работы должны писаться в живом, ярком, публицистическом стиле, чтобы делать философию более доступной и понятной для масс. Так, например, Д.И. Заславский призывает к возрождению

...таких литературных жанров, как философская сатира, философский памфлет, и – я хочу совершить величайшее кощунство на этой высокой кафедре! – философский фельетон⁵².

С другой стороны, некоторые выступающие жалуются на невозможность публикации узкоспециализированных, строго научных философских работ в таких популярных изданиях как «Большевик» и отстаивают необходимость создания как минимум одного сугубо философского журнала (с преодолением тех недостатков, которые привели в свое время к исчезновению журнала «Под Знаменем Марксизма»). Подобные мнения звучат, в частности, в докладах Б.М. Кедрова, В.И. Светлова, Н.М. Мирошкиной, Б.А. Чагина, М.Т. Иовчука, П.Е. Вышинского, З.А. Каменского, Я.А. Мильнера, П.П. Черкашина. Интересна в этой связи позиция председательствующего на дискуссии А.А. Жданова, который высказывал определенные сомнения в целесообразности организации подобного журнала. Тем не менее именно по результатам дискуссии такой журнал («Вопросы философии») был создан.

7. Критика и самокритика. Следующая часто отмечаемая в выступлениях особенность принципа партийности в философии заключается в необходимости смелой, открытой, откровенной критики по отношению как к своим товарищам по «философскому фронту», так и к самим себе. В большинстве докладов содержится

⁵⁰ Там же. С. 299 (Доклад Г.Ф. Александрова).

⁵¹ Там же. С. 156 (Доклад М.А. Леонова).

⁵² Там же. С. 185–186 (Доклад Д.И. Заславского).

открытая критика в адрес Г.Ф. Александрова и других представителей советской философии, но многие выступающие дополняют ее и самокритикой. Так, например, Б.М. Кедров говорит, что «мы краснеем за книгу т. Александрова, ибо видим в ней ошибки и недостатки, свойственные всем нашим работам»⁵³; В.И. Светлов утверждает, что «многие ошибки, имеющиеся в книге т. Александрова, делаем и мы сами»⁵⁴; М.М. Розенталь отмечает, что «мы все, в том числе и я, виновны, что этой критики не было, что книгу серьезно не обсуждали»⁵⁵ и т. д. Отмечаются, как не в полной мере выполненные, ранее полученные указания партии о необходимости открытой, большевистской критики и самокритики в области философской деятельности. Неоднократно подчеркивается плодотворная роль партийного руководства в этом отношении. Например, П.А. Шария отмечает важность того обстоятельства, что именно Центральный Комитет партии непосредственно руководит дискуссией 1947 г., в результате которой «...будут вскрыты корни отставания на философском фронте», и что он «уверен, что т. Александров после указания товарища Сталина еще раз, уже более вдумчиво, прочитал свою книгу и сам заметил значительную часть ошибок»⁵⁶.

Критикуется практика хвалебных рецензий в отношении произведений руководящих философских работников (в т. ч. в части факта выхода многих положительных отзывов на книгу «История западноевропейской философии»). Ставятся вопросы о том, почему у советского философского сообщества до момента получения партийных указаний не хватило то ли понимания, то ли мужества для того, чтобы открыто заявить о недостатках книги Г.Ф. Александрова. Отмечаются разные подходы к уровню разрешаемой критики в зависимости от личности как критикующего, так и критикуемого, а также факты редактирования отзывов перед опубликованием, что может менять их смысл на прямо противоположный (внимание на это обращается, например, в выступлении З.А. Каменского). Приводятся и рассуждения о том, что общая критика, направленная на всех сразу, является фактическим способом ухода от критики, поскольку исключает индивидуальную ответственность. Так, например, П.А. Чувиков не соглашается с позицией Б.М. Кедрова, который «постарался распределить недостатки на всех философов, чтобы каждому досталось поменьше

⁵³ Там же. С. 53 (Доклад Б.М. Кедрова).

⁵⁴ Там же. С. 63 (Доклад В.И. Светлова).

⁵⁵ Там же. С. 91 (Доклад М.М. Розенталя).

⁵⁶ Там же. С. 164–165 (Доклад П.А. Шария).

недостатков», называя в этой связи выступление Кедрова речью плохого адвоката⁵⁷.

В то же время звучат и отдельные призывы к сдержанности в вопросе критики выпускаемых философских работ. К примеру, М.В. Серебряков говорит, что Александров

...имел несчастье опубликовать свою книгу и потому сделался козлом отпущения, а другие товарищи от этой неприятности избавлены только потому, что не написали даже такой книги⁵⁸.

П.Е. Вышинский, называя М.П. Баскина (раскритиковавшего в ходе дискуссии книгу Александрова, несмотря на написание им же положительной рецензии до этого) плохим советчиком и плохим критиком, шарахающимся из стороны в сторону, заявляет: «...вы превращаете марксизм в ярлык, в этикетку, с легким сердцем наклеивая ее направо и налево на товарищеский, создающих книги»⁵⁹. Г.Г. Асланян говорит, что «за последнее время расплодился особый сорт критиков», которые сами, не изучая философию и не создавая философских произведений, «критируют чрезвычайно легко, они как бы сидят в засаде и ожидают появления какой-либо статьи в газете, журнале» и начинают «kritиковаться», «отрицать вовсю»⁶⁰. В этой связи интересно отметить также, что, когда М.П. Баскин в своем выступлении заявляет о том, что «большим пороком в нашей работе является недостаточно критический подход к выпускаемым произведениям», в зале раздается общий смех, отмеченный в стенограмме⁶¹.

Отдельные аспекты практического выражения государственного влияния

Некоторые моменты, связанные с выражением государственного влияния на развитие советской философии, отмечаемые в дискуссии 1947 г., относятся, скорее, не к теоретическому обоснованию этого влияния в виде принципа партийности, а к практическим результатам воплощения этого принципа, выразившимся в особенностях философской деятельности в СССР. Ниже приведено краткое описание таких аспектов.

⁵⁷ Там же. С. 490 (Доклад П.А. Чувикова).

⁵⁸ Там же. С. 98 (Доклад М.В. Серебрякова).

⁵⁹ Там же. С. 231 (Доклад П.Е. Вышинского).

⁶⁰ Там же. С. 311 (Доклад Г.Г. Асланяна).

⁶¹ Там же. С. 159 (Доклад М.П. Баскина).

1. Марксизм-ленинизм как исключительное, единственно верное учение. Постоянно повторяющимся «рефреном» многих выступлений служат утверждения об исключительном значении философии марксизма-ленинизма как единственно верного, подлинно научного, передового учения, которое сыграло поворотную роль во всей истории человечества и превосходит все, что было создано до него. Так, например, М.З. Селектор, называя Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина «создателями принципиально нового, единственно научного и правильного мировоззрения», утверждает, что

...марксизм-ленинизм представляет собой подлинную вершину философской мысли, в сравнении с которой все другие, даже наиболее передовые, учения прошлого и настоящего представляют собой низшую ступень⁶².

Такая установка влияет в т. ч. и на порядок оценки иных философских систем, которые априори воспринимаются как уступающие марксизму во всем, и на ход обсуждения вопросов об исторической преемственности между домарксистской и марксистской философией, и на подход к проблематике обновления и развития диалектического материализма, во многом приводя его к опасностям догматизации и застоя.

2. Необходимость ориентации на произведения классиков. Тенденция по включению цитат из классиков марксизма-ленинизма в любые научные произведения советского периода уже давно стала притчей во языцах. И в дискуссии 1947 г. практически в каждом выступлении можно увидеть цитаты из Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, употребляемые для обоснования различных, в том числе противоположных, позиций докладчиков. Необходимость постоянного обращения к «классикам» приводила советских философов к развитию навыков использования и истолкования соответствующих цитат в своих целях. Это видно, например, в характере спора о философии Гегеля, ставшего одной из центральных тем всей дискуссии. Позиции по отношению к Гегелю с самого начала возникновения диалектического материализма отличались двойственностью и противоречивостью, и выступавшие на дискуссии также обращались в поддержку своих мнений к различным, противоречащим друг другу цитатам из Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, интерпретируя их по-своему. При этом некоторые высказывания «классиков» могли, потеряв свою актуальность, совершенно игнорироваться. Так, например, если в ранней работе И.В. Сталина

⁶² Там же. С. 436 (Доклад М.З. Селектора).

«Анархизм или социализм?» (1907) черным по белому было написано, что «диалектический метод Гегеля, отрицающий всякую неизменную идею, является от начала до конца научным и революционным»⁶³, то в условиях 1940-х гг., когда подобное отношение было совершенно недопустимым, указанная цитата в произведениях и выступлениях по гегелевской тематике никак не опровергалась, не объяснялась, а попросту отсутствовала, а диалектика Гегеля вполне могла называться антенаучной и реакционной.

С другой стороны, новые указания могли кардинально менять устоявшиеся позиции. Это может быть видно на примере высказывания И.В. Сталина о философии Гегеля как об аристократической реакции на французскую революцию и французский материализм XVIII в. Данное высказывание, не будучи задокументированным, прозвучало на встрече И.В. Сталина с Г.Ф. Александровым и некоторыми другими участниками в конце 1946 г., в рамках обсуждения замечаний по книге «История западноевропейской философии» (о чем напрямую говорится, например, в выступлении В.С. Молодцова на июньской дискуссии 1947 г.). И если на январской дискуссии 1947 г. данное указание, озвученное В.С. Кружковым, было настолько неожиданным для всех участников, что, по словам Б.М. Кедрова, «когда товарищи услышали эту формулировку, некоторые из них бросились к своим работам и стали зачеркивать то, что было ими написано ранее, стали заменять одну формулировку другой», меняя слова «Гегель – представитель немецкой буржуазии» на «Гегель – представитель немецкой аристократии»⁶⁴, то на дискуссию в июне того же, 1947 г., советские философы пришли уже подготовленными. Соответствующий тезис звучит сразу в 24-х докладах, а высказывание Сталина обозначается как имеющее «существеннейшее методологическое значение» и поднявшее «на огромную высоту вопросы истории философии»⁶⁵, как замечательная формулировка, служащая «указанием к тому, как надо вести разработку марксистской истории философии»⁶⁶, как огромный творческий вклад в марксистско-ленинскую историю философии, открывающий «очень интересную перспективу дальнейшей исследовательской работы»⁶⁷ и т. д. Причем идея об

⁶³ Стalin И.В. Анархизм или социализм? // Stalin И.В. Соч. Т. 1. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1954. С. 305.

⁶⁴ Вопросы философии. Т. 1. М: Ин-т философии (АН СССР), 1947. С. 47 (Доклад Б.М. Кедрова).

⁶⁵ Там же. С. 20–24 (Доклад Г.М. Гака).

⁶⁶ Там же. С. 47 (Доклад Б.М. Кедрова).

⁶⁷ Там же. С. 72 (Доклад М.Д. Щебенко).

аристократической реакции во многих выступлениях уже предстает в развернутом, проработанном виде – не как отменяющая, а как диалектически дополняющая ранее принятые установки (например, в качестве реакции аристократии в международном масштабе наряду с германским буржуазным характером гегелевской философии и т. п.).

Также возможно отметить, что какие-то неудобные места из текстов «классиков» могли отчасти ставиться под сомнение. Так, например, Б.М. Кедров развивает мысль о том, что «привести некоторые цитаты из работ классиков марксизма – это не означает действительно применить марксистский метод»⁶⁸. Звучат и утверждения о необходимости нового взгляда на отдельные устаревшие положения в работах Маркса и Энгельса (наиболее часто в этой связи упоминается «Диалектика природы»).

3. Особенности организации философской деятельности. Некоторые аспекты влияния государства могут быть отнесены к повседневным, практическим особенностям организации и реализации философской деятельности в СССР. В этой связи возможно отметить следующее:

3.1. Констатация сложностей в проработке новых, оригинальных тем. В этом отношении, например, Б.А. Чагин говорит о проблемах теоретической робости советских философов, о превращении философской деятельности в цитатологию⁶⁹ и т. д.

3.2. Необходимость «подстраивания» под мнения руководства. Характерный момент в этой связи – после того, как на седьмой день дискуссии свой доклад произносит А.А. Жданов, выступающий после него П.Ф. Юдин (видимо, чтобы разрядить обстановку, так как Жданов уходит) шутит, что теперь докладчикам, с одной стороны, легче, поскольку ясно, о чем говорить, а с другой стороны – сложнее, «так как перестроиться, что называется, в три минуты, не каждому удается»⁷⁰.

3.3. Осторожность и двойственность мнений. Также возможно отметить и распространенность двойственности высказываемых в дискуссии мнений, когда даже самая явная позиция по тому или иному вопросу сопровождается оговорками, отступлениями и т. п. Так, например, В.И. Светлов, занимая наиболее критическую позицию по отношению к Гегелю, все же говорит о «рациональном зерне» в его философии; И.П. Трайнин, рапортая о выполнении партийного поручения о создании философских учебников, говорит

⁶⁸ Там же. С. 38 (Доклад Б.М. Кедрова).

⁶⁹ Там же. С. 200 (Доклад Б.А. Чагина).

⁷⁰ Там же. С. 279 (Доклад П.Ф. Юдина).

затем, вызывая смех в зале, что «я с этой трибуны перед лицом т. Жданова должен отметить, что, конечно, мы не уверены в том, что качество такое, как бы мы желали»⁷¹ и т. п.

3.4. «Групповщина» в философии. На дискуссии звучат высказывания о том, что в советской философии процветает «групповщина», что ведущие философские работники замкнулись в своем узком кругу, не дают дорогу молодым и ученым с периферии и т. п. (например, в выступлениях В.И. Светлова, В.А. Фомина, П.А. Чувикова).

3.5. Закрытость в коммуникациях и распространении информации. В этой связи возможно, например, отметить жалобу Н.М. Мирошиной на то, что результаты январской дискуссии 1947 г. так и не были доведены до работников периферии, которые о прозвучавших замечаниях могли только догадываться, а ответственный руководитель на просьбу об информировании заявил: «Я не уполномочен это делать. Будет статья в “Большевике”, и из нее вы все узнаете». Мирошнина резюмирует: «Статья в “Большевике” не появилась, и мы ничего не узнали»⁷².

3.6. Цензура, сложности в публикации работ. В ряде выступлений критикуется такое положение дел, когда многие статьи не печатаются, а ответов от редакций надо ждать месяцами и годами. Это связывается с избеганием ответственности со стороны редакторов и рецензентов, с их страхом перед возможными ошибками. В этой связи, например, З.А. Каменский говорит о существовании целой второй, неизвестной широкой публике, философской науки, поскольку «у многих рядовых научных работников неопубликованных работ гораздо больше, чем напечатанных»⁷³.

3.7. Производственный подход к философской деятельности. В некоторых докладах звучат призывы к налаживанию философской деятельности по принципам социалистического производства с единым отраслевым планом, с четким распределением задач и участков работы, с прикреплением научных подразделений к различным цехам и т. п.

3.8. Внутренние, «корпоративные» интриги. В дискуссии видны и следы того, как государственное управление философской деятельностью могло использоваться во внутренней борьбе различных групп советских философов. Так, например, атака на философское руководство могла проводиться под предлогом необходимости освобождения наиболее способных и талантливых

⁷¹ Там же. С. 141 (Доклад И.П. Трайнина).

⁷² Там же. С. 148 (Доклад Н.М. Мирошиной).

⁷³ Там же. С. 375 (Доклад З.А. Каменского).

философов от административной, руководящей нагрузки («надо пощадить их силы»⁷⁴). В некоторых выступлениях звучат обвинения на грани доноса. В частности, З.Я. Белецкий утверждает, что книга Александрова принесла несомненный вред, усугубленный ее большим тиражом⁷⁵. М.Б. Митин значительную часть своего выступления посвящает критике книги своего конкурента Б.М. Кедрова, заканчивая ее словами: «Давно уже у нас, после разоблачения меньшевистующего идеализма, не появлялось такой “гегельянской” книги, как книга т. Кедрова»⁷⁶, что, с учетом опыта репрессий против представителей соответствующего направления и той роли, которую в них сыграл Митин, могло звучать довольно зловеще.

Заключение

Стенограмма дискуссии 1947 г. отличается от большинства материалов, оставшихся от советского этапа развития отечественной философии, тем, что она позволяет заглянуть *внутрь* реальных процессов, происходивших в это время, а также увидеть то, что могло быть скрыто за выверенными официальными статьями и книгами по диалектическому материализму. Дискуссия показывает, что даже в сложных и ограниченных условиях работы советских философов в сталинский период отечественная философская мысль не останавливалась в своем движении, вызывая живые споры, показывая внутреннюю потребность к постоянному развитию. Это движение происходило с учетом сильнейшего государственного влияния на философию, которое не всегда оказывало на нее положительный эффект.

Вопрос о целевой роли государства по вопросам организации и развития философской деятельности, пожалуй, не имеет на сегодняшний день однозначного решения. С одной стороны, вряд ли будет правильным говорить о возможности полноценного развития философии без определенного уровня государственного участия – например, в отношении организации образовательной и научной деятельности в области философии, поддержки отдельных исследований, координации востребованных направлений философского развития. С другой стороны, избыточное влияние государства, прямое и монопольное управление философской наукой может приводить к ряду нежелательных последствий, характерных для

⁷⁴ Там же. С. 287 (Доклад П.Ф. Юдина).

⁷⁵ Там же. С. 324–325 (Доклад З.Я. Белецкого).

⁷⁶ Там же. С. 127 (Доклад М.Б. Митина).

советского периода развития отечественной философии. Опыт изучения особенностей развития философии в СССР может быть использован для выработки возможных решений по данному вопросу.

Источники

Вопросы философии. Т. 1. М.: Институт философии (АН СССР), 1947. 500 с.

Сталин И.В. Анархизм или социализм? // Сталин И.В. Соч. Т. 1. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1954. С. 294–372.

Информация об авторе

Павел В. Владимиров, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; pvladimirov@mail.ru

Information about the author

Pavel V. Vladimirov, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; pvladimirov@mail.ru